Глава 534: Старая даосская монахиня прибывает в столицу

Чэнь Чаншэн уже подготовил себя к намерению меча, которое Су Ли скрыл в письме. Его культивация намного улучшилась после его возвращения в столицу, так что изначально он планировал посмотреть, сколько он сможет продержаться. Но юноша не мог представить, что намерения меча в письме будут настолько острыми и ужасающими. Не говоря уже о сопротивлении, он даже не смел провоцировать их.

Конечно же, у Су Ли не было враждебности, и, тем более, убийственного намерения к нему. Эти намерения меча, которые вылетели из письма, бесшумно разрезали многие предметы на кухне на части, и даже отрезали свободную часть его пояса, но ни частички намерения меча не пало на его тело. Они лишь танцевали вокруг него в воздухе.

Эти намерения меча танцевали вокруг него, как падающие листья, как снежинки, как капли воды.

Казалось, как будто Чэнь Чаншэн стоял под осенним деревом, снежным небом или водопадом.

Он смутно понял кое-что и постепенно расслабился, направляя свое духовное чувство в мир, сформированный этими намерениями меча.

Эти намерения меча в точности были письмом, которое Су Ли написал ему, одним из подарков, которые он оставил для него. Так что же было написано в этом письме?

С одной стороны, Чэнь Чаншэн познавал намерения меча, которые Су Ли оставил после прорыва, тогда как с другой стороны, он тихо читал письмо в руках.

Стиль письма Су Ли был подобен его мечу и подобен его характеру, он был текучим и подвижным, радостным и острым. Кисточка поднималась с невероятной скоростью и опускалась с невероятной точностью.

«Ты действительно смог победить Южун. Это и правда удивительные новости».

Увидев первые слова этого письма, Чэнь Чаншэн понял, что Су Ли давал ему это письмо при одном условии: если он победит Сюй Южун. Если бы он не смог сделать этого, Су Ли определенно был бы разочарован юношей, и тогда эти два письма могли бы остаться с Сюй Южун, или, возможно,... Цюшань Цзюнем.

«Но когда я думаю о том, что ты изучал меч от меня, можно понять, как ты смог соскрести победу против Южун».

Эти слова в письме Су Ли идеально демонстрировали его самоуверенность или, возможно, его самовлюбленность.

Хотя, вскоре после этого его слова стали намного более спокойными и безразличными.

«В своей жизни я обучал лишь трех людей: Цюшаня, тебя и Ци Цзянь. Цюшань сильнее тебя, а Ци Цзянь слабее. Более того, она - моя дочь, так что если после моего ухода что-то случится на Горе Ли, помоги мне позаботиться об этом. Почему я ухожу? После того, как ты проживешь несколько лет и осознаешь, что кто-то ждал тебя несколько сотен лет, возможно, ты поймешь.

«Я - Младший Боевой Дядя Горы Ли, так что для меня нет необходимости объяснять хоть что-то ученикам. Я - Су Ли, так что нет ничего, что я должен был рассказать Старику Инь и

Тяньхай. Но все же я хочу объяснить кое-какие вещи и рассказать кое-что, поэтому я написал такое письмо тебе».

«В будущем, если кто-то спросит, ты можешь передать эти слова им. Я не признал поражение миру, но она говорила совершенно верно. Я - Су Ли - в чем необходимость быть вторым Чжоу Дуфу? Что более важно, ты тоже говорил верно. Я убил бесчисленных людей и у меня нет любви к этому миру, но, возможно, осталось еще немного доброты?»

Пока он читал это письмо, сердце Чэнь Чаншэна было наполнено многими эмоциями.

С точки зрения многих людей, особенно тех южан, которые были против слияния севера и юга, уход Су Ли и Святой Девы был сделан с целью увильнуть от ответственности.

Никто из них не понимал, что для такого человека, как Су Ли, лишь обладая действительно мудрым и храбрым мечом, он смог открыть путь для ухода.

Но когда он читал конец письма, он вдруг почувствовал, что его похвалы и восхищение господином Су Ли были ошибкой.

Су Ли написал такие слова в конце письма:

«Заставь волчонка сдаться. Если он посмеет вновь донимать мою дочь, даже если я буду на другой стороне моря звезд, я сяду на плот и вернусь обратно. Мой первый удар обезглавит его, второй - обезглавит тебя, а третий уничтожит Ортодоксальную Академию и то волчье племя на севере. Не говори, что я не предупредил тебя!»

После того, как Чэнь Чаншэн прочитал эти слова, он беспомощно подумал: ‘Почему такой свободный и простой человек, как господин Су Ли, настолько серьезно воспринимает это дело?’

Пока он думал об этом, область вокруг него вдруг зазвенела плотным и ужасающим столкновением мечей. Бесчисленные намерения меча вернулись со всех сторон обратно на бумагу.

Эти крайне острые намерения меча практически непостижимого уровня разрезали письменность на письме в полный беспорядок, превращая его в бесчисленные пятна чернил, из которых было невозможно разобрать слова.

Наконец, эти пятна чернил сформировали пять больших слов.

«Сразу же сожги, как прочтешь».

Чэнь Чаншэн рассеянно смотрел на эти слова. Не будет ли слишком жаль вот так сжигать его? Должно быть известно, что намерение меча в этом письме было несравненно драгоценным подарком для культивации меча. Юноша изначально планировал позволить Тангу Тридцать Шесть и Чжэсю познавать его завтра.

Но так как это был приказ Су Ли, он не мог перечить ему. Юноша покорно бросил письмо в оставшиеся огоньки кухонной печи, лично наблюдая, как письмо превращается в пепел.

Пока он смотрел на пепел в печи и думал о намерении меча, которое содержалось в бумаге, юноша вдруг вспомнил того художника из Павильона Небесных Тайн, который рисовал сцены с того времени, когда он бросал вызов экспертам начального уровня Конденсации Звезд во

время Боевой Демонстрации Всех Школ. Тот художник наиболее вероятно использовал похожий метод, но сравнивать его с Су Ли было подобно разнице между грязью и облаками.

Затем он вспомнил того писаря, которого видел на улице: Гуань Бая Академии Небесного Дао.

В то время он взглянул на него через окно повозки и почувствовал, как острота пронзает его глаза и причиняет невыносимую боль, из-за у него чуть не пошли слезы.

Теперь, когда он думал об этом, мог ли этот человек культивировать на пути меча, пока намерение меча не стало частью его тела?

Во время Саммита Кипящего Камня он будет вынужден столкнуться с таким могущественным мечом. Сможет ли юноша победить?

.....

.....

Чуть раньше Гуань Бай был в рабочем кабинете на юге города, читая книгу.

Он внезапно почувствовал что-то. После мгновения молчания он тихо закрыл книгу и вышел из кабинета.

Снег постепенно прекратился после сумерек, но погода все еще была холодной. Было трудно ходить по покрытым снегом улицах, так что было очень мало пешеходов.

Он стоял в центре улицы.

Напротив него была старая даосская монахиня, которая шла вперед.

По правде говоря, лицо этой даосской монахини нельзя было считать молодым. По крайней мере, ей нельзя было присвоить особый возраст. Ее внешний вид был покрыт холодным и аскетическим чувством, смешанным с нитью черствости.

Гуань Бай смотрел, как старая даосская монахиня приближалась ближе и ближе, не говоря ни слова.

Он не знал, кем она была, но он знал, что ее уровень культивации был намного выше, чем у него, и даже выше, чем у его почитаемого учителя Чжуан Чжихуаня.

Он не хотел создавать слишком много проблем перед Саммитом Кипящего Камня и не должен был сражаться с экспертом такой мастерской культивации.

Но он очень хорошо слышал, как в удаленной аллее умерла дикая собака.

Это произошло как раз тогда, когда эта старая монахиня проходила мимо.

Старая даосская монахиня была очень могущественной и предположительно обладала экстраординарным происхождением. В сравнении с ним, дикая собака, преграждающая путь, не была чем-то особенным.

Гуань Бай тоже думал подобным образом. Если дикая собака умрет, ну и что? Действительно ли он собирался отомстить за одну дикую собаку?

Проблема заключалась в том, что собака должна была умереть быстрее.

Старой даосской монахине потребовался бы лишь взгляд, чтобы обезглавить дикую собаку.

Но собака выкрикнула около тридцати раз в аллее, каждый ее крик был более жалким и слабым, чем предыдущим, пока наконец-то не достиг его ушей.

Он находил невозможным понять, почему такая могущественная фигура, как старая даосская монахиня, решила использовать около тридцати атак, чтобы убить одну собаку.

Он также нашел невозможным представить, действовала ли эта старая даосская монахиня подобным образом, когда обычно убивала людей.

Так что он вышел из кабинета на улицу, чтобы задать ей вопрос.

Старая даосская монахиня остановила свои шаги и невыразительно взглянула на него.

Гуань Бай хотел что-то сказать, но увидев глаза старой даосской монахини, он осознал, что для него уже было невозможно говорить.

Его рука сжимала рукоять меча, но он нашел невозможным попытку вытащить его.

В глазах старой даосской монахини было сине-зеленое море, полное разложения и безжалостных эмоций. Это было подобно волне, наполненной зелеными водорослями, устремляющейся вперед.

Безграничное и нескончаемое сине-зеленое убийственное намерение вырвалось вперед с ее конца улицы, окружая его тело (прим.пер. это игра слов. Уцюн (□□) значит ‘безграничный’. Би (□) - это цвет, который может быть зеленым, синим, или сине-зеленым).

Хлюп! Из его рта вырвались брызги крови, упавшие на снег.

.....

.....

Он был гордостью Академии Небесного Дао, экспертом меча на Провозглашении Освобождения, Известным Именем Гуань Баем.

Но перед этой старой даосской монахиней он даже не смог сказать и одного слова или вытащить меч перед тем, как пострадал от тяжелых ранений.

«Назови своего учителя», - невыразительно приказала старая даосская монахиня.

Глаза Гуань Бая была наполнены шоком. Лишь сейчас он подтвердил, что культивация этой старой даосской монахини не только превосходила его учителя, но даже превосходила грань смертного мира и достигала Божественного Домена. Когда он подумал о сине-зеленом цвете в ее глазах, он тут же догадался, кем она была.

Уцюн Би из Штормов Восьми Направлений!

Это был пиковый эксперт мира людей. Почему она так внезапно появилась сегодня вечером в столице?

«Гуань Бай из Академии Небесного Дао. Мой учитель - Чжуан Чжихуань».

Гуань Бай был крайне шокирован идентичностью этой старой даосской монахини, но он вовсе не боялся, глядя на нее, когда говорил.

«Ради Мао Цююй я сегодня оставлю тебя в живых».

Старая даосская монахиня прошла мимо и ее фигура постепенно растворилась в темноте.

Когда прошло не так уж и много времени, Гуань Бай наконец-то осознал, что мог двигаться. Правая рука, сжимающая рукоять, дрожала, и половина его меча со звоном появилась из ножен.

Затем его правая рука была отсечена по плечо и упала на снег, окропив его большую часть темно-красной кровью.

Сегодня вечером в столице дикая собака в аллее была жестоко разрублена на куски.

Гуань Бай, гордость и надежда Академии Небесного Дао, молодой эксперт меча с безграничными перспективами, потерял правую руку, которой владел мечом.

Старая даосская монахиня, которая сделала это, ничего не почувствовала. Ее лицо все еще было безразличным, а глаза - безжалостными.

В ее глазах такой молодой человек, как Гуань Бай, и та дикая собака в аллее не особо отличались. Даже она должна была уважать Попа и не желала провоцировать Божественную Императрицу, но если бы это не была столица Великой Чжоу, возможно, Гуань Бай уже был бы мертв.

С ее точки зрения, оставить жизнь Гуань Бая было достаточно, чтобы дать лицо Мао Цююй. Если быть точнее, она давала лицо Ортодоксии.

В этом мире были люди, которые были невероятно сильными, настолько, что их взгляд на мир становился довольно искаженным. Они считали, что если не украли всю еду из тарелки нищего, то они проявили уважение к нищему, а то, что они не убили всех людей, которых находили неприятными для глаз, - это они сохраняли жизни лицо. Как результат, они считали, что другие тоже должны были давать им лицо.

Старая даосская монахиня сегодня прибыла в столицу, потому что считала, что Поп не проявил к ней достаточного уважения, так что она пришла, чтобы лично забрать немного.

Когда она была очень молодой, она вышла замуж за другого члена Восьми Штормов. С того мгновения она считала, что ее муж был ее наиболее важным лицом. Позже, после многих страданий, она родила сына и начала верить, что ее сын был ее наиболее важным лицом.

Старая даосская монахиня стояла у задней стены Ортодоксальной Академии, без эмоций глядя на несколько снежных деревьев, выглядывающих из-за стены.

Несколько недель назад ее сын был унижен одним человеком.

Этого человека звали Чэнь Чаншэн.

.....

.....

http://tl.rulate.ru/book/1222/148325